

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2019 г. В. Н. Матонин
г. Архангельск, Россия

© 2019 г. Н. Н. Бедина
г. Архангельск, Россия

ОБРАЗ СОЛОВКОВ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ

Аннотация: Соловецкая тема появляется в русской литературе начиная с XVI в. — со времени оформления книжной традиции Соловецкого монастыря. Семантическим ядром образа монастыря традиционно становится идея аскезы и духовного делания. Темы и мотивы, изначально заложенные в средневековой книжной традиции, находят отражение в образе Соловков в русской поэзии XVIII–XXI вв. Предельность и обособленность территории, трагичность исторических обстоятельств, переживание причастности к высшим запросам духа обращают авторов к таким универсальным категориям, как богоизбранность, мученичество, спасение, покаяние, память. В русской литературе второй половины XVIII – начала XIX вв., в силу общего разворота культуры, «северность» воспринимается как культуурообразующая характеристика, а образ монастыря становится скорее воплощением свидетеля истории, чем центра духовного делания. Во второй половине XIX – начале XX вв. Соловки однозначно определены уже как монастырь в различных его ипостасях: это и духовный центр Православия — место притяжения многочисленных паломников, и место заключения, наказания и покаяния, и потаенный или потерянный Рай. Последние мотивы становятся трагически актуальными в XX в. в годы сталинских репрессий. В поэзии 1970–2010-х гг. тема Соловков приобретает новую, «музейную» ипостась, когда сохранение и воссоздание образов прошлого от Московской Руси до трагедий XX в. выступает средством самоопределения. Последние мотивы становятся трагическими.

Ключевые слова: Соловки, монастырь, поэзия, образ, Преображение, аскеза.

Информация об авторах:

Василий Николаевич Матонин — доктор культурологии, доцент, Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова, наб. Северной Двины, д. 17, 163002 г. Архангельск, Россия. E-mail: matoninv@yandex.ru

Наталья Николаевна Бедина — кандидат филологических наук, доцент, Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова, наб. Северной Двины, д. 17, 163002 г. Архангельск, Россия. E-mail: bedina-nat@yandex.ru

Дата поступления статьи: 08.11.2018

Дата публикации: 28.09.2019

Для цитирования: Бедина Н. Н., Матонин В. Н. Образ Соловков в русской поэзии // Вестник славянских культур. 2019. Т. 53. С. 206–223.

Образ Соловков как «центра на краю» [32] обретает зримые очертания в произведениях русской литературы начиная с XVI в. Этот образ имеет не локальный, а общенациональный характер. С эпохи Московской Руси он оказывается востребован на протяжении всей истории отечественной культуры: нет ни одного временного периода, когда бы мы не встретили сочинений, связанных с соловецкой темой. В этот корпус текстов входит большое количество прозаических сочинений от челобитных соловецких монахов к царю Алексею Михайловичу «О вере» и старообрядческих повестей о Соловецком восстании до исторических романов и мемуарной литературы XIX–XXI вв. Предметом настоящей статьи являются поэтические литературные и фольклорные тексты, в образный ряд которых включены Соловецкие острова.

Слово *Соловки* происходит от финно-угорского *solovo* — остров. В универсальных мифопоэтических представлениях Остров — священный центр потустороннего мира, инобытийное пространство. Береговая линия — «край света», море — «царство мертвых». Передвижение по морю соотносится с реальным переживанием смерти [27, т. 2, с. 11–15]. Английские и голландские путешественники XVI–XVII вв. именовали Соловки *Абдоном* (от лат. *abditus* — скрытый, тайный, удаленный), а поморы называли *соловцами* белые «барашки на волнах», свидетельствующие о приближении шторма.

Начиная с эпохи северного неолита (III–I тыс. до н. э.) Соловки — это святилище и кладбище. До появления православного монастыря в первой трети XV в. здесь не было постоянных жителей, но о знакомстве племен беломорской культуры с Соловецким архипелагом свидетельствуют каменные лабиринты, валунные курганы и другие мегалитические сооружения. Логика перехода кладбища в монастырь очевидна. По слова Игнатия Брянчанинова, монахи — «не отпетые мертвецы», для которых мир — «истинная вдовица» [15, с. 535]. Иноки добровольно отказываются от мирской суеты и сомнительных радостей, которые сулит земная жизнь. Так же и соловецкие узники «умирали» для мира, который отверг их. Образ жизни заключенного в некоторой степени напоминает монашеский уклад строгим распорядком, аскезой, тяжелым физическим трудом, но человек, против своей воли принесенный в жертву обществу, на острове чувствует себя еще более изолированным от мира живых, нежели на материке. Соотнесенность социокультурного пространства с природно-климатическими условиями воспроизводит мифологический «модуль» — сердцевину реальности. «Соловки» — это острова ледникового происхождения. Это геологическая граница между Балтийским кристаллическим щитом и Среднеевропейской платформой, глубоководной и мелководной частями Белого моря, граница между Россией и Карелией, но прежде всего — граница между земным и потусторонним мирами. Образ границы усиливается световой рефракцией (миражами), весенними и осенними туманами, замерзающим у берегов морем, белыми ночами летом и беспросветной зимней темнотой, изолированностью от материка на протяжении восьми месяцев в году. При этом в народных религиозно-мифологических представлениях передвижение под парусом по воде соотносится с реальным переживанием смерти, ветер — с судьбой, а береговая линия — с краем света. Граница — это место борьбы или неустойчивого баланса противостоящих сил. Явления, выдвинутые на предельные рубежи бытования, заявляют о себе в наиболее очевидной форме. Граница располагает к рефлексии о смысле человеческого бытия. Человек, достигший края, видит дальше и больше других. В семантических ипостасях «мертвец» — «монах» — «узник» выражен временный, преходящий смысл земной жизни. Феноменология границы является ключом к пониманию особенностей соловецкой поэзии.

Соловки привлекают к себе сочетанием несочетаемого. Т. В. Романова, анализируя концепт «Соловки» в текстах XIX–XX вв., приходит к выводу, что в нем закрепляется семантика амбивалентности: это святой остров, потерянный рай, «духовная лечебница», но это и остров смерти, «больной остров» [20]. Поэтические тексты, объединенные в хронологический историко-культурный ряд, позволяют говорить о смысловом ядре концепта «Соловки», формирующемся в контексте мифологического «модуля» пограничности и христианской идеи Преображения. Таким ядром, на наш взгляд, является идея аскезы, которая в разные исторические эпохи поворачивается различными гранями, но сохраняет смысл духовного (внутреннего) делания.

Впервые эта идея «проговаривается» в монастырской книжности — прежде всего в гимнографических и панегирических текстах, посвященных Соловецким преподобным. Монашеский подвиг в удаленном и суровом крае, посреди «моря-окияна» окружен традиционными для гимнографии и похвального слова мотивами радости и света:

Отвергше мрак житийский и чувствен, ныне очи просветивше, умом подвижемся к памяти преподобнаго Саватия;

Ангелом ликоствующим, пророком веселящимся и праведным соиграющим, вкупе небесным и земным соспразднующим. Сице преподобнаго торжество и пречестную память светло празднуем. И узрящем духовне, не чревопитающе — но духом играюще, не вином упивающесе — но любовию горяще [13, с. 86].

Непосредственно с образами преподобных святых связан и образ святого места — «дивный остров», «возлюбленного моря океана великая страна», которая сопоставляется ни много ни мало с Иерусалимом и Сионом, центральными пространственными точками Нового и Ветхого Завета:

Откуда нам таковой светилник восия, егда от Иерусалима или от Сиона? Ни, рече, но великая страна такова светилника восприят. <...> Рцы же нам, великая страна, где таковое неистошное богатство обрете, откуда тебе, великая страна моря окияна, таковое нескверное зеркало даровася? Кто в тебе, дивий острове, просветися? [13, с. 87].

Любой православный монастырь в определенном смысле является иконой Небесного Иерусалима и одновременно пространством, восходящим к первообразу Райского сада. Как пишет О. В. Чумичева, «замкнутое и идеально обустроенное хозяйство, достаточная автономность существования, полнота церковной жизни позволяли насельникам воспринимать свой малый мир как “столп каменный”, переходящий в сакральное пространство <...>. Это был духовный Иерусалим, временно обретающий топографическую привязку на земле» [34, с. 832–833]. В монастырской книжности, в том числе и в текстах Соловецкого монастыря, мотивы Небесного града и Райского сада становятся традиционными топосами, воплощающими идеи Преображения и жизни вечной: «Радуйтесь, на земли жителство небесное нам показавши!»

Образ «автономного», огражденного, Богоизбранного места, хранящего нерушимое благочестие и правую веру, особенным образом выразился в событиях Соловецкого восстания 1668–1676 гг. и текстах, ему посвященных. Аскетический подвиг Соловецкой братии достигает трагической высоты мученического подвига. Устные исторические песни, составляющие часть старообрядческой традиции, с помощью временного совпадения событий непосредственно связывают тему мученической смерти монахов с темой наказания и покаяния мучителей:

Они взяли его <игумена> убили —
Как небесно царствó купили.
Во ту пору-ту, во то время,
В сáму в ту ведь в темну ноцьку
Ишше к нашому царю жо
К Алексею-то свет-Михайловицю,
Как приходят к ему два старьца,
Как хотят-то его убить,
Руки, ноги да отпилить;
Говорят ему таки речи:
«Уж ты гой ёси, государь-царь,
Олексей ты сударь-Михайловиць!
Не разорей-ко ты старой веры».
Посылат-то ведь царь же скóро,
Он гонцев-то скорó, салдатов:
«Старой веры не розоряйте,
Вы ведь книг-то не розрушайте,
На огни-то не розжигайте,
Вы манахов-то не рубите» [16, с. 156–157].

В дальнейшем в отечественной поэзии, обращенной к образу Соловков, будут разрабатываться темы и мотивы, которые изначально заложены в книжной традиции XVI–XVII вв. Предельность и обособленность территории, трагичность обстоятельств, переживание причастности к высшим запросам духа обращают авторов к таким универсальным категориям, как спасение, Богоизбранность, мученичество, покаяние, преступление и наказание, память.

В русской литературе второй половины XVIII – начала XIX вв., в силу общего разворота культуры, образ монастыря становится скорее воплощением свидетеля истории, чем центра духовного делания. Это вполне справедливо по отношению к образу Соловецкого монастыря в героической поэме М. В. Ломоносова «Петр Великий»:

Уже белея, понт перед Петром кипит,
И влага уступить шумя ему спешит.
Там вместо чайных бореи флагов Шведских
Российские в зыбях взвевали Соловецких.
<...>
Монарх, почтив труды и знаки чудных дел,
Строение вокруг и место осмотрел,
Спросил Наставника: «Кто сими вас горами
Толь крепко оградил, поставя их руками?»
«Великий Иоанн, Твой сродник и пример... [12, с. 696–706].

Во вступлении к поэме Ломоносов настаивал: «Не вымышленных петъ намерен я богов, Но истинны дела...», — что превратило поэму в стихотворное изложение истории: в первой песне — паломничества Петра на Соловки и стрелецкого бунта 1682 г., во второй — осады Нотебурга [1]. Приверженность историческому факту нашла отражение и в трактовке образа монастыря.

К. Н. Батюшков в стихотворении «Послание И. М. Муравьеву-Апостолу», где поэт развивает мысль Муравьева-Апостола о влиянии «первых впечатлений» на личность и творения художника, вообще исключает монастырь из беломорского пейзажа:

Близ Колы пасмурной, средь диких рыбарей
В трудах воспитанный, уже от юных дней
Наш Пиндар¹ чувствовал сей пламень потаенный,
Сей огонь зиждительный, дар бога драгоценный,
От юности в душе небесного залог,
Которым Фебов жрец исполнен, как пророк.
Он сладко трепетал, когда сквозь мрак тумана
Стремился по зыбям холодным океана
К необитаемым, бесплодным островам
И мрежи расстилал по новым берегам [4, с. 186].

Однако и у того и у другого поэта образы островов и Белого моря обладают семантикой первоначала, становления: здесь определяется богоизбранность героя — у Ломоносова Петра Великого, у Батюшкова — Ломоносова. В обоих случаях внутренний подвиг, позволяющий герою стать таковым, неразрывно связан с противостоянием мощи суровой северной природы. Аскеза здесь есть преодоление:

У Ломоносова: Тут ветры сильные, имея флот во власти,
Со всех сторон сложась к погубельной напасти,
На Запад и на Юг, на Север и Восток
Стремятся и вертят мглу, влагу и песок;
Перуны мрак густой сверкая разделяют,
И громы с шумом вод свой треск соединяют;
Меж морем рушился и воздухом предел;
Дождю навстречу дождь с кипящих волн летел;
В сердцах великой страх сугубят скрыпом снасти.
Герой наш посреде великия напасти
И взором и речьми смутившихся крепит... [12, с. 704];

У Батюшкова: Природы ужасы, стихий враждебных бой,
Ревущие со скал угрюмых водопады,
Пустыни снежные, льдов вечные громады
Иль моря шумного необозримый вид —
Все, все возносит ум, все сердцу говорит
Красноречивыми, но тайными словами
И огонь поэзии питает между нами [4, с. 186].

В стихотворении Батюшкова-романтика речь идет о становлении поэта, и система координат его художественного мира определена двумя творческими полюсами: *природа – художник*. Ломоносов-историк увязывает в образе Беломорья несколько истоков, в конечном итоге приведших к рождению Героя (Петра): это и фигура Ивана

¹ Имеется в виду М. В. Ломоносов. Образ Белого моря и островов у К. Н. Батюшкова неразрывно связан с личностью Ломоносова.

IV Грозного, при котором начинается каменное строительство в монастыре, и ссылка Романовых при Борисе Годунове, а затем утверждение царского рода, и церковный раскол, и связываемые Ломоносовым с расколом стрелецкие бунты, и противостояние со Швецией.

Строение внутреннего сюжета стихотворения Батюшкова, где противопоставляется цветущий Юг суровому Северу, нашло отражение в незаконченном стихотворении А. С. Пушкина «Когда порой воспоминанье...»:

Когда порой воспоминанье
Грызет мне сердце в тишине,
И отдаленное страданье
Как тень опять бежит ко мне;
Когда людей вблизи видя
В пустыню скрыться я хочу,
Их слабый глас <?> возненавидя, —
Тогда забывшись <?> <я><?> лечу
Не в светлый кр<ай>, где н<ебо> блещет
<...>
Стрем<люсь> привычную меч<тою>
К студеным север<ным> волн<ам> [17, с. 243–244 и 849–854].

Если в предыдущих двух текстах утверждается сила, мощь человеческого духа, то в стихотворении Пушкина, безусловно учитывающего предшествующую традицию, образ северного острова окрашен в противоположные тона. Это уже хронотоп не первоначала, а конца: зимняя брусника, увядшая тундра, утлый челнок заполняют пространство «печального острова»²:

Открытый<?> остров вижу там.
Печальный остров — берег дикой
Усеян зимнею<?> брусникой,
Увядшей тундрою покрыт
И хладной пеною подмыт [17, с. 244].

Текстовое пересечение чернового наброска со стихотворением «Кто знает край, где небо блещет...» позволяет увидеть в нем эсхатологические смыслы. Образ северного острова противопоставлен «волшебному краю», содержащему в поэтическом опыте «Кто знает край...» параллели к Райскому саду:

Волшебный край, волшебный край,
Страна высоких вдохновений,
Людмила зрит твой древний рай...
<...>
На рай полуденной природы,
На блеск небес, на ясны воды,

² По мнению Б. В. Томашевского, пейзаж, нарисованный в стихотворении, напоминает пейзаж Соловецких островов, куда хотел сослать Пушкина Александр I еще в 1820 г., хотя не все исследователи согласны с этой версией.

На чудеса немых искусств
В стесненье вдохновенных чувств
Людмила светлый взор возводит... [18, с. 53–54].

Зимний, северный образ Райского сада у Пушкина неразрывно связан с темой аскезы и с покаянной интонацией:

Когда порой воспоминанье
Грызет мне сердце в тишине
И отдаленное страданье
Как тень опять бежит ко мне [18, с. 204].

Во второй половине XIX – начале XX вв. Соловки однозначно определены уже как монастырь в различных его ипостасях: это и духовный центр Православия — место притяжения многочисленных паломников, и место заключения, наказания и покаяния, и потаенный или потерянный Рай. Безусловно, значительную роль в оформлении образа Соловецкой обители в сознании современников сыграла деятельность архимандрита Александра (Павловича), с 1853 по 1857 г. бывшего игуменом монастыря и многие силы положившего на упрочение его авторитета и в определенной степени музеефикации героической обороны Соловецкого монастыря в 1854 г. и в целом монастырской истории.

Обстрел Соловецкого монастыря в 1854 г. — один из героических эпизодов Крымской войны — нашел отражение в полуфольклорных текстах в жанре солдатской песни и духовного стиха [31, с. 148–152].

Нутко, братцы, в круговую
Установимся сей час.
Грянем песню мы такую,
Как сражались первый раз.
 Как спасали мы обитель,
 Соловецкий монастырь,
 Кто у нас был предводитель,
 Славный русский богатырь.
Мы хотя и инвалиды,
Но, на это несмотря,
Служим честью, без обиды,
Всем довольны от Царя... [31, с. 148].

Автор стихотворения — соловецкий колодник, титулярный советник, дворянин Иван Якубовский — сам участвовал в бою с интервентами, причем был особо отмечен среди наиболее отважных защитников монастыря. Его текст явно ориентируется на жанр народной лирической песни, более того, к началу XX в. текст воспринят устной традицией, и различные его варианты исполняли как песню на Соловецких островах и в поморских селах [33, с. 128, 133]. И монашеская жизнь, и тюремное заключение объединяются здесь вокруг темы воинского подвига, понимаемого как служение Отчизне.

С середины 50-х гг. XIX в. монастырь становится одним из наиболее известных паломнических центров. Этот образ приобретает сказочно-легендарный характер в сочинении монахини Исидоры (Д. А. Шурыгиной), включенном в книгу С. И. Снеессоревой «Дарьюшка-страница»:

Соловецкая ты, свет, моя дороженька,
будто золотом ты посеяна и серебром пересыпана,
дорогим камешком укладена.
По Соловецкой-то дорожке течет речка медвяная,
бережки-то сахарные.
По левую сторонку тут березки стоят кужнявые,
они шелками переиваны и цветами-те все усажены.
Да еще по той по дорожке стоят липеньки-то зеленые:
оне золотом-то все поиваны, цветами-те все поусажены.
Да еще по той дороженьке, да по левую-то сторону,
стоят елки зеленые да кужнявые:
оне серебром переиваны да дорогим камнем-те устланы.
Как по правую-то сторонушку стоят кресты, да все золоченые
[23, с. 12–15].

Рассказ о паломничестве монахини Исидоры, озаглавленный «Соловецкая дорожка», приведен С. И. Снеессоревой в виде прозаического текста, хотя его поэтическая природа, безусловно, чувствуется. Позднее этот фрагмент повести стал восприниматься и переписываться как духовный стих [25, вып. 4, с. 160–163]. Несмотря на то что в центре повествования — комический эпизод, произошедший с паломницей в Соловецком монастыре (она не справилась с самоваром и залила келью архимандрита), тема паломничества сохраняет семантику аскетического делания:

Как по Соловецкой-то по дороженьке
все идут-те православные; все идут да удивляются
и крестам все поклоняются.
Все идут да потихошеньку, будто по злату да по серебру,
да по хорошему жемчугу (Ноги-то все в пузырях и мозолях, понатерлися).
Они идут да медом-те напиваются, сахаром-те насыщаются [23, с. 13].

Отношения к Соловецкому монастырю как центру не только русского, но и мирового православия становится одной из граней образа народа в русской литературе второй половины XIX в. Не случайно включение Соловков в один ряд с Афоном и Иерусалимом в трагедии «Смерть Иоанна Грозного» А. К. Толстого:

Был в Соловках и на горе Афонской,
В Ерусалиме был, всего наслышан,
Моря исплавал, земли исходил... [30, с. 77].

Подобно А. К. Толстому, Н. А. Некрасов в поэме «Кому на Руси жить хорошо» ставит Соловки рядом с Афоном: перед Соловецкой былью («Легендой о двух великих грешниках») странник Ионушка рассказывает быль Афонскую. А позже у К. К. Случев-

ского в поэме «В снегах. Памяти А. А. Григорьева» странница Прасковья также перечисляет святые места, где она бывала, ставя Соловки рядом с Афоном:

На Валааме, в Печорской, в Задонской,
В дальних Соловках и даже в Афонской... [22, с. 287–288].

При этом у А. К. Толстого образ Соловецкого монастыря используется и как синоним тюрьмы в сатирическом стихотворении «Послание к М. Н. Лонгинову о дарвинизме» [29, с. 353–357], написанном во многом с ориентацией на лубочно-сатирическую традицию.

«Легенда о двух великих грешниках» Н. А. Некрасова также ориентируется на фольклорную традицию, но уже на жанр народной легенды. В фольклоре сюжет о раскаявшемся разбойнике знает два варианта финала: «искупительное убийство» или аскетический подвиг героя. В соответствии с революционно-демократическими взглядами Некрасов выбирает первый, «кровавый» вариант, оправдывая «кровь по совести». Интересно, что, как указывает фольклорист Н. Виноградов, несколько трансформированный текст некрасовской легенды исполнялся среди поселенцев Соловецких островов, но здесь главной темой становится покаяние грешника, превращение разбойника Кудеяра в старца Питирима, а финал легенды опускается [14].

Предчувствие надвигающейся катастрофы, общее для отечественной культуры начала XX в., не обошло и образ Соловков. Холод и пустота окружают скрывшиеся кресты Соловецкой обители в стихотворении И. А. Бунина:

Солнце полночное, тени лиловые
В желтых ухабах тяжелых зыбей.
Солнце не греет — на лица суровые
Падает светом холодных лучей.

Скрылись кресты Соловецкой обители.
Пусто — до полюса. В блеске морском
Легкою мглой убегают святители —
Три мужичка-старичка босиком [6, с. 318].

Сюжет о трех святителях, бегущих по морю, видимо, воспринят Буниным из рассказа Л. Н. Толстого «Три старца», но интонация бунинского текста оказывается уже прямо противоположной — не утверждение Богообщения, а его утрата.

Образ утраченной («убегающей») крестьянской Святой Руси возникает и в поэзии Н. А. Клюева, где он приобретает черты легендарно-мифологические. Богоизбранность и мученичество соединяются в описании «распрекрасного Соловецкого острова» в стихотворении «Соловки», посвященном казни ревнителем старой веры:

... Урожаем тучным и богатым
Нас покрыла песенная новь.
Триста старцев и семьсот собратий
Брошены зубастым валунам.
Преподобные Изосим и Савватий
С кацеями бродят по волнам...
<...>

Богородица прижухла,
Оперлась на локоток:
«У тебя, беляны пухлой,
Есть ли Сыну уголок?»
— «Голубица, у белянки,
Лишь в стогах уснет трава,
Будет горенка с лежанкой
Для Христова Рождества!» [10, с. 669].

Начиная с 20-х гг. XX в. топоним Соловки становится синонимом тюрьмы и лагеря. Особую страницу в отечественной литературе составляет поэзия узников Соловецкого лагеря особого назначения. Как пишет К. Пьералли, при разнообразии и разнообразности тем и сюжетов характерными особенностями соловецкой поэзии, издаваемой в журналах СЛОНа, являются исповедальная интонация и смиренное принятие своей драматической судьбы [19]. Именно религиозное по своей природе принятие вынужденного ограничения свободы и страшных условий существования позволяет человеческому духу не сломаться. Жуткая картина острова как дьявольского шабаша у Бориса Радо:

Вот-вот у кованых ворот,
Склонив точено-острый профиль,
Скривив красноармейский рот,
Вслед захохочет Мефистофель.

И, приоткрыв тяжелый том,
В страницы желтые начертит,
Что ночь на озере Святом
Купили водяные черти... [24, с. 25], —

преодолевается верой в потаенный смысл происходящего (где-то на дне озера Святого есть «блеск ненайденных жемчужин»). Возможно, именно эта жажда понять сокровенный смысл событий, обрести истинное знание о мире и о себе самом обращает многих заключенных поэтов к форме сонета, где религиозно-философский поиск органично сочетается с исповедальностью лирического чувства, а также к исторической и литературной традиции в целом:

Из недр земли, со дна пучины
Немой, испуганной толпой,
Комки проснувшиеся глины,
Мы соберемся под скалой.
На неприступные ступени
Поставим влажную стопу,
И трех крестов большие тени
Накроют бледную толпу [3, с. 129].
(М. Н. Фроловский)

С 1930-х гг. образ Соловецкого лагеря/тюрьмы утрачивает локализацию как временную, так и географическую. Показательно знаменитое высказывание Ивана Без-

домного «Взять бы этого Канта, да за такие доказательства года на три в Соловки!» в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита». Стремление к универсализации образа прослеживается как в советской, так и в «несоветской» поэзии. У Д. Б. Кедрина в поэме «Конь» соловецкая ссылка зодчего Федора Коня — это синоним ограничения, подавления свободного духа художника-творца, у А. Т. Твардовского в поэме «Страна Муравия» Соловки — место неизбежного мученичества русской деревни. В стихотворении матери Марии (Скобцовой) «Парижские приму я Соловки...» с образом «мертвого острова» связываются мотивы страдания и искупления, мученичества, освященного богоизбранностью:

В любые кандалы пусть закуют,
Лишь был бы лик Твой ясен и раскован.
И Соловки приму я, как приют,
В котором Ангелы всегда поют, —
Мне каждый край Тобою обетован [2, с. 217].

«Мертвый остров» разрастается не только до границ страны, но всей Европы и даже всего мира. И парадоксальным образом монашеская аскетическая идея Преображения и преодоления смерти прорастает даже в тех произведениях, которые, казалось бы, чрезвычайно далеки от православной традиции:

Россия тридцать лет живет в тюрьме.
На Соловках или на Колыме.
И лишь на Колыме и Соловках
Россия та, что будет жить в веках [9].
(Г. В. Иванов)

Тема памяти становится ключевой в осмыслении образа Соловков в поэзии второй половины XX в. — в этом ряду можно назвать сочинения В. Г. Васильева, А. В. Жигулина, Ю. М. Кублановского, С. В. Морозова, В. С. Листова, А. В. Макаревича, о. Андрея Логвинова и других. В отличие от средневековой церковной книжности, в эту эпоху память о мученическом подвиге отцов исключает интонацию радости — это память тяжелая, трудная. «Соловецкая чайка всегда голодна», — пишет А. В. Жигулин. Его «свинцовые, горькие волны» находят рифму в стихотворении Ю. М. Кублановского «Волны падают стена за стеной...»:

... зло,
причиненное в избытке отцу,
больно хлещет и теперь по лицу [11, с. 119–120].

Но «творение памяти» (по акафистному выражению) оказывается жизненно необходимым, память становится новой формой аскетического делания, преодоления себя:

Не надо, не беги из Соловков,
Ты знаешь, чем кончаются побегы —

Еще теснее будет гнет оков
И дальше от свободы и победы³.
(В. С. Листов)

Начиная с 60-х гг. XX в. в соловецкой поэзии находит выражение и общая для литературы «шестидесятников» романтическая интонация: вновь суровость, порубежность края становится средством испытания, Соловки и Белое море — местом утверждения человеческого духа. Характерным является образ островов в песне В. И. Вихорева:

В конверт письма не уложить
Ветра, шторма...
Нет, надо просто здесь пожить —
Ты приезжай сама [7, с. 28].

Поиск Земли обетованной в бардовской песне и героические образы тружеников моря в «официальной» поэзии (С. П. Панюшкин, А. И. Левушкин) вписываются в общую поэтическую традицию. Однако и здесь заметно стремление обратиться к прошлому — славному, но трагическому:

Плаха алым залита и поката.
Море Белое красно от заката.
Шелка алого рубаха у ката,
И рукав ее по локоть закатан.

Шелка алого рубаха у ката,
И рукав ее по локоть закатан.
Враз поднимется топор, враз ударит...
Не воюйте вы, монахи, с государем! [8, с. 92].
(А. Городницкий)

В целом образ Соловков в поэзии 1970–2010-х гг. приобретает новую, «музейную» ипостась. События современности теряют свою значимость на фоне мученического подвига прошлого:

Господи, как страшно все это! — пишет А. В. Мельник. — Как здесь жили люди, как страдали, как верили. Соловки, мои ужасные Соловки... Сколько всего прошло, и я здесь живу. И радуюсь тому, что я здесь. А они мучились. <...> Та же земля, тот же остров. Соловки [25, вып. 3, с. 146].

Да и сам образ современника оказывается недостойным этого прошлого:

Теплоход покидал Соловки.
Пассажиры плевали на воду.
На исходе полета плевки
разбивались о борт теплохода.
<...>

³ Из личного архива В. С. Листова. С некоторыми изменениями текст опубликован в [5].

В «люксах» вспыхивал матовый свет,
разливался поток словоблудья.
...Все казалось: вот-вот нам во след
крепостные ударят орудья [21, с. 20–21].
(А. А. Росков)

Соловки привлекают людей с маргинальной ментальностью — романтиков, диссидентов, бывших заключенных. В 1980-е гг. на Соловках вокруг историко-архитектурного музея-заповедника собираются творческие люди, для которых острова — это и музей, но одновременно и духовная родина: А. В. Мельник, Ю. В. Матонина, С. В. Морозов, Э. П. Кудрявцев и др.

Была ни любовью, ни милою —
Железною цепью ржавой.
Насильно в плен уводила,
Насильно к себе прижимала.
Рождала стихи тоскливые,
Похожие на моления,
Лизали злые приливы
Твои ледяные колени.
Ах небо, сожженное начисто
Огнем сумасшедшим и пьяным,
Безумьем цветов охваченные
Твои потайные поляны!
Небесною птицей пройденная
В сто медленных взмахов крыла,
Позволь назвать тебя родиной:
Я только здесь и жила [25, вып. 1, с. 173].
(А. В. Мельник)

Лирическому образу островной северной природы, воплощенному в стихах Ю. Матониной, оказывается созвучна интонация О. Юста:

Эти леса — острова,
из воздуха Белого моря
над водою
сгустившиеся.

Будто плавают
между небом
и зеркалом
на расстоянии
твоего ожидания [35].

В целом, в поэтических произведениях конца XX – начала XXI вв. (В. С. Листов, Ю. М. Кублановский, В. Н. Матонин, А. М. Голов и др.) сохранение, воссоздание образов прошлого от Московской Руси до трагедий XX в. становится средством самопо-

знания, самоопределения. Сейчас кажется, что идея Соловков в поэзии последних десятилетий дробится, размывается, однако, возможно, нам просто необходима временная дистанция, чтобы оценить и осмыслить этот образ и общее направление поэтической мысли. Как представляется, духовное ядро образа Соловков остается неизменной — это внутреннее аскетическое делание, освященное идеей Преображения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Алексеева Н. Ю.* Комментарии // Электронные публикации ИРЛИ РАН. М. В. Ломоносов. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=5966> (дата обращения: 08.11.2018).
- 2 Антология русской поэзии / сост. Е. Евтушенко. М.: Полифакт. Итоги века, 1999. 1056 с.
- 3 Антология самиздата. Неподцензурная литература в СССР. 1950-е–1980-е. В 3 т. / под общ. ред. В. В. Игрунова; сост. М. Ш. Барбакадзе. М.: Изд-во ИГПИ, 2005. Т. 1, кн. 1: до 1966 года. 494 с.
- 4 *Батюшков К. Н.* Полн. собр. стихотворений / вступ. ст., подгот. текста и примеч. Н. В. Фридмана. М.; Л.: Сов. писатель, 1964. 353 с.
- 5 *Бродский Ю. А.* Соловки. Двадцать лет Особого Назначения. М.: РОССПЭН, 2002. 530 с.
- 6 *Бунин И. А.* Собр. соч.: в 6 т. М.: Худож. лит., 1987. Т. 1: Стихотворения (1888–1952); Перевод. 687 с.
- 7 *Вихорев В.* На Соловецких островах: Песни для голоса и гитары. СПб.: Композитор, 2012. 88 с.
- 8 *Городницкий А.* Стихи и песни. Избранное. СПб.: Лимбус Пресс, 1999. 624 с.
- 9 *Иванов Г. В.* Стихотворения 1944–1958 годов // Bibliowiki. URL: [https://www.wikilivres.ca/wiki/Россия_тридцать_лет_живет_в_тюрьме_\(Г._Иванов\)](https://www.wikilivres.ca/wiki/Россия_тридцать_лет_живет_в_тюрьме_(Г._Иванов)) (дата обращения: 08.11.2018)
- 10 *Клюев Н. А.* Сердце Единорога. Стихотворения и поэмы / предисл. Н. Н. Скатова, вступ. ст. А. И. Михайлова; сост., подгот. текста и примеч. В. П. Гарнина. СПб.: Изд-во РХГИ, 1999. 1072 с.
- 11 *Кублановский Ю.* С выходом на Волхонку. Стихи // Новый Мир. 2000. № 7 (903). С. 119–125.
- 12 *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч.: в 11 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. Т. 8: Поэзия, ораторская проза, надписи 1732–1764 гг. 1288 с.
- 13 *Лончакова Г. А.* Об одном новонайденном памятнике древнерусской литературы // Библиосфера. 2016. № 1. С. 85–91.
- 14 *Мельник В. И.* Поэма Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» в ракурсе христианской проблематики // Образовательный портал «Слово». URL: https://portal-slovo.ru/philology/37131.php?element_id=37131&PAGEN_1=3 (дата обращения: 08.11.2018).
- 15 Настольная книга священнослужителя: в 7 т. М.: Изд. Московской патриархии, 1988. Т. 6: Тематический материал для проповеди. Евхаристия — Молитва. 880 с.
- 16 *Осада Соловецкого монастыря* // Беломорские старины и духовные стихи. Собрание А. В. Маркова / С. Н. Азбелев, Ю. И. Марченко; отв. ред. Т. Г. Иванова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. С. 154–157.
- 17 *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч., 1837–1937: в 16 т. / под ред. С. М. Бонди, Т. Г. Зенгер, Н. В. Измайла, А. Л. Слонимский, М. А. Цявловский; общ. ред. М. А. Цяв-

- ловский. М.: Изд-во АН СССР, 1948–1949. Т. 3: Стихотворения, 1826–1836. Сказки. 634 с.
- 18 *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч., 1837–1937: в 10 т. Л.: Наука, 1977. Т. 3: Стихотворения, 1827–1836. 495 с.
- 19 *Пьералли К.* Поэзия узников соловецких лагерей: несколько замечаний к теме // Воспоминания соловецких узников 1923–1939 гг. / отв. ред. иерей Вячеслав Умнягин. Соловки: Изд. Соловецкого монастыря, 2017. Т. 5: 1927–1933. С. 32–43.
- 20 *Романова Т. В.* Топоним Соловки в русском художественно-публицистическом дискурсе: Образ? Понятие? Символ? Метафора? Культурема? Мифологема? Идеологема? Аксиологема? Концепт? // Мир русского слова. 2012. № 3. С. 30–37.
- 21 *Росков А. А.* А мне — далекий монастырь... Стихи. Архангельск: Онежская тип., 2009. 133 с.
- 22 *Случевский К. К.* Стихотворения. Поэмы. Проза. М.: Современник, 1988. 427 с.
- 23 *Снегорева С. И.* Дарьюшка: Из жизни русской странницы. М.: Отчий дом, 2013. 68 с.
- 24 Соловецкие острова. 1926. № 5. 229 с.
- 25 Соловецкое море: историко-литературный альманах. Архангельск: ТСМ, 2002–2005. Вып. 1. 195 с. Вып. 3. 259 с. Вып. 4. 263 с.
- 26 *Теребихин Н. М.* Сакральная география Русского Севера: Религиозно-мифологическое пространство севернорусской культуры. Архангельск: Изд-во ПГУ, 1993. 220 с.
- 27 *Толстой А. К.* Полное собрание стихотворений: в 2 т. М.: Сов. писатель, 1984. Т. 1: Стихотворения и поэмы. 640 с. Т. 2: Стихотворные драмы. 688 с.
- 28 *Федоров П. Ф.* Соловки. Архангельск: Правда Севера, 2003. 256 с.
- 29 *Франк Сузанне К.* Соловецкий текст / пер. О. Б. Лебедевой // Имагология и компаративистика. 2017. № 7. Ч. 1. С. 166–180.
- 30 *Фруменков Г. Г.* Соловецкий монастырь и оборона Беломорья в XVI–XIX вв. Архангельск: Сев.-Зап. книжное изд-во, 1975. 184 с.
- 31 *Чумичева О. В.* Соловецкий монастырь как старообрядческая альтернатива Новому Иерусалиму Патриарха Никона // Новые Иерусалимы. Иеротопия и иконография сакральных пространств. М.: Индрик, 2009. С. 829–834.
- 32 *Юст О.* Соловки. Стихотворения // Солигаличское благочиние. URL: <http://soligalich.prihod.ru/2011/08/30/oleg-yust-solovki-stixotvoreniya/> (дата обращения: 08.11.2018).

© 2019. **Vasiliy N. Matonin**
Arkhangelsk, Russia

© 2019. **Natalya N. Bedina**
Arkhangelsk, Russia

SOLOVKI IMAGE IN THE RUSSIAN POETRY

Abstract: The theme of Solovki appears in Russian literature since the 16 century — from the time of the book tradition of the Solovetsky monastery. The idea of asceticism

and spiritual work traditionally becomes a semantic core of the monastery's image. Themes and motifs, originally laid down in the medieval book tradition, are reflected in the image of the Solovki in Russian poetry of the 18–21 centuries. The remoteness and isolation of the territory, the tragic nature of historical circumstances, the experience of belonging to the highest demands of the human spirit draw the authors's attention to such universal categories as divine chosenness, martyrdom, salvation, repentance, memory. In the Russian literature of second half of 18th – early 19th century, due to the general turn of the culture, “Northernness” is perceived as a cultural characteristic, the image of the monastery rather serves as an embodiment of the history's witness, than a center for spiritual devotion. During the second half of 19th – early 20th century we see Solovki clearly identified as a monastery in its various guises: it is a spiritual center of Orthodoxy — the place of attraction for numerous pilgrims, and the place of detention, punishment and repentance quite relevant in 20th century during the years of Stalinist repressions. In the poetry of the 1970s and 2010s, the theme of Solovki acquires a new, “museum” hypostasis, when preservation and reconstruction of images of the past from Moscow Russia up to the tragedies of the 20th century (as a hidden or lost Paradise) serves as a means of self-determination. The last motives become tragic.

Keywords: Solovki, monastery, poetry, image, Transformation, asceticism.

Information about the authors:

Vasiliy N. Matonin — DSc in Culturology, Professor, Lomonosov Northern (Arctic) Federal University, Severnaya Dvina Emb. 17, 163002 Arkhangelsk, Russia. E-mail: matoninv@yandex.ru

Natalya N. Bedina — PhD in Philology, Associate Professor, Lomonosov Northern (Arctic) Federal University, Severnaya Dvina Emb. 17, 163002 Arkhangelsk, Russia. E-mail: bedina-nat@yandex.ru

Received: November 08, 2018

Date of publication: September 28, 2019

For citation: Bedina N. N., Matonin V. N. Solovki image in the Russian poetry. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2019, vol. 53, pp. 206–223. (In Russian)

REFERENCES

- 1 Alekseeva N. Iu. Kommentarii [Comments]. *Elektronnyye publikatsii IRLI RAN. M. V. Lomonosov* [Electronic publication of the M. V. Lomonosov IRL Russian Academy of Sciences]. Available at: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=5966> (accessed 08 November 2018). (In Russian)
- 2 *Antologiya russkoi poezii* [Anthology of the Russian poetry], compiled by E. Evtushenko. Moscow, Polifakt. itogi veka Publ., 1999. 1056 p. (In Russian)
- 3 *Antologiya samizdata. Nepodtsenzurnaia literatura v SSSR. 1950-e–1980-e. V 3 t.* [Anthology of samizdat. Uncensored literature in the Soviet Union. 1950–1980s. In 3 vols.], under general supervision by V. V. Igrunova; compiled by M. Sh. Barbakadze. Moscow, Izdatel'stvo IGPI Publ., 2005. Vol. 1, book 1: do 1966 goda [till 1966]. 494 p. (In Russian)
- 4 Batiushkov K. N. *Polnoe sobranie stikhotvorenii* [Complete poems], introductory article, preparation of text and notes by N. V. Fridman. Moscow, Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1964. 353 p. (In Russian)
- 5 Brodskii Iu. A. *Solovki. Dvadsat' let Osobogo Naznacheniia* [Solovki. Twenty years of Special Assignment]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2002. 530 p. (In Russian)

- 6 Bunin I. A. *Sobranie sochinenii: v 6 t.* [Collected works: in 6 vols.] Moscow, Khudozhestvennaia literature Publ., 1987. Vol. 1: Stikhotvoreniia (1888–1952); Perevod [Poems (1888–1952); Translation]. 687 p. (In Russian)
- 7 Vikhorev V. *Na Solovetskikh ostrovakh: Pesni dlia golosa i gitary* [On the Solovetsky Islands: Songs for voice and guitar]. St. Petersburg, Kompozitor Publ., 2012. 88 p. (In Russian)
- 8 Gorodnitskii A. *Stikhi i pesni. Izbrannoe* [Poems and songs. Selected works]. St. Petersburg, Limbus Press Publ., 1999. 624 p. (In Russian)
- 9 Ivanov G. V. Stikhotvoreniia 1944–1958 godov [Poems of 1944–1958 years]. *Bibliowiki*. Available at: [https://www.wikilivres.ca/wiki/Rossiia_tridtsat'_let_zhivet_v_tsur'me_\(G._Ivanov\)](https://www.wikilivres.ca/wiki/Rossiia_tridtsat'_let_zhivet_v_tsur'me_(G._Ivanov)) (accessed 08 November 2018). (In Russian)
- 10 Kliuev N. A. *Serd'tse Edinoroga. Stikhotvoreniia i poemy* [Heart of The Unicorn. Verses and poems], preface by H. H. Skatov, introductory article by A. I. Mikhailov; preparation of text and notes by V. P. Garnin. St. Petersburg, Izdatel'stvo RKhGI Publ., 1999. 1072 p. (In Russian)
- 11 Kublanovskii Iu. S vykhodom na Volkhonku. Stikhi [Opening onto Volkhonka. Verses]. *Novyi Mir*, 2000, no 7 (903), pp. 119–125. (In Russian)
- 12 Lomonosov M. V. *Polnoe sobranie sochinenii: v 11 t.* [Complete works: in 11 vols.]. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1959. Vol. 8: Poeziia, oratorskaia proza, nadpisi 1732–1764 gg. [Poetry, oratorical prose, inscriptions 1732–1764 years]. 1288 p. (In Russian)
- 13 Lonchakova G. A. Ob odnom novonaidennom pamiatnike drevnerusskoi literatury [On one newly found monument of Old Russian literature]. *Bibliosfera*, 2016, no 1, pp. 85–91. (In Russian)
- 14 Mel'nik V. I. Poema N. A. Nekrasova “Komu na Rusi zhit' khorosho” v rakurse khristianskoi problematiki [Poem by N. A. Nekrasov “Who lives well in Russia” in the perspective of Christian agenda]. *Obrazovatel'nyi portal “Slovo”* [Educational portal “Word”]. Available at: https://portal-slovo.ru/philology/37131.php?element_id=37131&PAGEN_1=3 (accessed 08 November 2018). (In Russian)
- 15 *Nastol'naia kniga sviashchennosluzhitelia: v 7 t.* [Handbook of the priest: in 7 vols.]. Moscow, Izdanie Moskovskoi patriarkhii Publ., 1988. Vol. 6: Tematicheskii material dlia propovedi. Evkharistiia — Molitva [Thematic material for the sermon. Communion — Prayer]. 880 p. (In Russian)
- 16 Osada Solovetskogo monastyria [The siege of the Solovetsky monastery]. *Belomorskie stariny i dukhovnye stikhi. Sobranie A. V. Markova* [White sea antiquities and spiritual poems. Collection of A. V. Markov], S. N. Azbelev, Iu. I. Marchenko; executive edited by T. G. Ivanova. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2002, pp. 154–157. (In Russian)
- 17 Pushkin A. S. *Polnoe sobranie sochinenii, 1837–1937: v 16 t.* [Complete works, 1837–1937: in 16 vols.], edited by S. M. Bondi, T. G. Zenger, N. V. Izmail, A. L. Slonimskii, M. A. Tsiavlovskii; general edited by M. A. Tsiavlovskii. Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1948–1949. Vol. 3: Stikhotvoreniia, 1826–1836. Skazki [Poems, 1826–1836. Tales]. 634 p. (In Russian)
- 18 Pushkin A. S. *Polnoe sobranie sochinenii, 1837–1937: v 10 t.* [Complete works, 1837–1937: in 10 vols.]. Leningrad, Nauka Publ., 1977. Vol. 3: Stikhotvoreniia, 1827–1836 [Poems, 1827–1836]. 495 p. (In Russian)

- 19 P'eralli K. Poeziia uznikov solovetskikh lagerei: neskol'ko zamechanii k teme [Poetry by prisoners of the Solovki camps: some comments to the topic]. *Vospominaniia solovetskikh uznikov 1923–1939 gg.* [Memories of the Solovki prisoners 1923–1939], executive edited by priest Viacheslav Umniagin. Solovki, Izdanie Solovetskogo monastyria Publ., 2017, vol. 5: 1927–1933, pp. 32–43. (In Russian)
- 20 Romanova T. V. Toponim Solovki v russkom khudozhestvenno-publitsisticheskom diskurse: Obraz? Poniatie? Simvol? Metafora? Kul'turema? Mifologema? Ideologema? Aksiologema? Kontsept? [Toponym Solovki in the Russian journalistic discourse: image? notion? symbol? metaphor? cultureme? myth? ideologueme? axiologeme? concept?]. *Mir russkogo slova*, 2012, no 3, pp. 30–37. (In Russian)
- 21 Roskov A. A. *A mne — dalekii monastyr'... Stikhi* [And for me — a distant monastery... Poems]. Arkhangel'sk, Onezhskaia tipografiia Publ., 2009. 133 p. (In Russian)
- 22 Sluchevskii K. K. *Stikhotvoreniia. Poemy. Proza* [Verses. Poems. Prose]. Moscow, Sovremennik Publ., 1988. 427 p. (In Russian)
- 23 Snessoreva S. I. *Dar'iushka: Iz zhizni russkoi strannitsy* [Daryushka: From the life of a Russian wanderer]. Moscow, Otchii dom Publ., 2013. 68 p. (In Russian)
- 24 *Solovetskie ostrova*, 1926, no 5. 229 p. (In Russian)
- 25 *Solovetskoe more: istoriko-literaturnyi al'manakh* [Solovetsky sea: historical and literary almanac]. Arkhangel'sk, TSM Publ., 2002–2005. Vol. 1. 195 p. Vol. 3. 259 p. Vol. 4. 263 p. (In Russian)
- 26 Terebikhin N. M. *Sakral'naia geografiia Russkogo Severa: Religiozno-mifologicheskoe prostranstvo severnorusskoi kul'tury* [Sacred geography of the Russian North: Religious and mythological space of the North Russian culture]. Arkhangel'sk, Izdatel'stvo PGU Publ., 1993. 220 p. (In Russian)
- 27 Tolstoi A. K. *Polnoe sobranie stikhotvoreniia: v 2 t.* [Complete set of poems: in 2 vols.]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1984. Vol. 1: Stikhotvoreniia i poemy [Verses and poems]. 640 p. Vol. 2: Stikhotvornye dramy [Poetic drama]. 688 p. (In Russian)
- 28 Fedorov P. F. *Solovki* [Solovki]. Arkhangel'sk, Pravda Severa Publ., 2003. 256 p. (In Russian)
- 29 Frank Suzanne K. Solovetskii tekst [Solovetsky text], translated by O. B. Lebedevoi. *Imagologiya i komparativistika*, 2017, no 7, part 1, pp. 166–180. (In Russian)
- 30 Frumenkov G. G. *Solovetskii monastyr' i oborona Belomor'ia v XVI–XIX vv.* [Solovetsky monastery and defense of the White sea in 16–19 cs.]. Arkhangel'sk, Severo-zapadnoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1975. 184 p. (In Russian)
- 31 Chumicheva O. V. Solovetskii monastyr' kak staroobriadcheskaia al'ternativa Novomu Ierusalimu Patriarkha Nikona [Solovetsky monastery as an Old belief alternative to the New Jerusalem of Patriarch Nikon]. *Novye Ierusalimy. Ierotopiia i ikonografiia sakral'nykh prostranstv* [New Jerusalem. Hierotopy and iconography of sacred spaces]. Moscow, Indrik Publ., 2009, pp. 829–834. (In Russian)
- 32 Iust O. Solovki. Stikhotvoreniia [Solovki. Poems]. *Soligalichskoe blagochinie* [Soligalich deanery]. Available at: <http://soligalich.prihod.ru/2011/08/30/oleg-yust-solovki-stixotvoreniya/> (accessed 08 November 2018). (In Russian)